ветников их, дондеже пребудут в упрямстве и непокорении».[122] Публикация этого приговора, а в особенности последовавшие за ним казни и ссылки осужденных во многом способствовали популяризации этого движения

Но собор не только проклял всех раскольников и предал «градскому суду» их виднейших представителей. Он твердо решил оградить все новые церковные установления, отвечавшие социальным и идеологическим интересам господствующего класса, от обсуждения и критики их со стороны представителей демократических слоев общества. Поэтому официальное решение собора декларировало идею о том, что вопросы веры составляют привилегию людей избранных. В частности, по поводу книги «Скрижаль», оправдывавшей никоновские реформы, в соборном «Свитке» говорилось «Не всякому человеку прилично есть такую богословную книгу прочитати, токмо искусным таинственником, и ученым, и разумнейшим подобает такую книгу имети и прочитати. Невежди же, аще будут прочитати, то неискуством своим и неучением разум свой токмо будут потопляти и постраждут, яко же пострада и Никита поп, Лазарь, Аввакум и прочии невежди».[123]

Эти позиции идеологического аристократизма, ярко воплотившиеся в метафорическом образе «потопления» невежд-раскольников в богословских глубинах, впоследствии еще настойчивее отстаивал Симеон Полоцкий в своем противораскольничьем «Слове о писании божественном».[124]

Возвращаясь к решениям собора 1666—1667 гг., заметим, что в соборном «Свитке» в отличие от той абстрактной характеристики раскола, которая была дана Епифанием Славинецким, появляется новая мысль, содержащая оценку этого движения как движения социального и прежде всего антицерковного. Эти «невежды», как сказано в «Свитке», «возмутиша народ буйством своим и глаголаша: церкви быти не церкви, архиереи не архиереи, священники не священники, и прочая их таковая блядения».[125] В такой форме было впервые выражено основное противоречие между расколом и церковной властью, а через нее и властью государственной

Эта последняя формула («церкви быти не церкви.. ») через пятнадцать лет, по мере развития движения раскола, получила новое и весьма существенное политическое и социальное видоизменение В июле 1682 г., во время знаменитого «спора о вере» между руководителями государства и церкви,[126] с одной стороны, и руководителями раскола во главе с Никитой Пустосвятом, с другой, царевна Софья прервала чтение раскольничьей челобитной и сама раскрыла тот политический характер взглядов раскольников, который выражался в упомянутой, внешне будто бы только церковной формуле. «София же царевна разгневася, — писал участник дискуссии Савва Романов, — и скочи с престола, и нача со слезами глаголати· „Аще ли Арсений (Арсений Грек, — *А. Р.*) и Никон патриарх еретики, то и отец (царь Алексей, — *А. Р.*) и брат наш (царь Федор, — *А. Р*) таковыя же были, такожде и нынешния цари — не цари (Иоанн и Петр, — *А Р*), и патриархи — не патриархи, и архиереи — не архиереи суть Мы сея хулы нетерпим слышати, пойдем вси из царства вон“».[127] Важно отметить, что

[122] Служебник с соборным свитком М, 1667, ноябрь (далее Служебник), л 13 об

[123] Там же, л 13

[124] Симеон Полоцкий Вечеря душевная М, 1683, Приложения слов на различныя нужды, лл 4—4 об, 5 об

[125] Служебник, л 1 об

[126] На этом собрании присутствовали царица Наталья Кирилловна, царевны Софья Алексеевна, Мария Алексеевна, Татьяна Михайловна, ряд бояр и князей, патриарх Иоаким, 11 митрополитов, 6 архиепископов, 2 епископа и другие представители государственной церкви

[127] Три челобитные, стр 124—125